

Катя Иванова

ДОМОВОЙ
ПУТЕШЕСТВЕННИК

ПЫШКА
ДЛЯ ДОМОВОГО

Катя Иванова

Пышка для Домового

«Автор»

2026

Иванова К.

Пышка для Домового / К. Иванова — «Автор», 2026

В пышечную «У Вали» давно никто не заходит. Пышки черствеют на витрине, тестомес скрипит, крыша течёт, а хозяйка собирается повесить табличку «Закрыто» навсегда. Но однажды вечером, под проливным дождём, в дверь входит маленький гость. В огромном чёрном худи с кошачьими ушками, с белым шарфом и узелком через плечо. Он очень вежливый. Он разговаривает с холодильниками. И он знает, почему пышки грустят. Его зовут Уля. Он домовый-путешественник. У него нет дома — река забрала. Зато есть спичечный коробок с живым огоньком, деревянная ложечка размером с мизинец и древнее правило: «Дар за дар». Ты дашь ему приют — он напомнит тебе, зачем ты встаёшь каждое утро. Тёплая история о том, что тесто всё слышит, чайники любят, когда с ними здороваются, а маленькое «спасибо» может спасти целую пышечную. Для тех, кто устал, но ещё не забыл, как пахнет свежий хлеб.

© Иванова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Картонная пышка и «Могу я войти?»	5
Магия в огромном фартуке	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Катя Иванова

Пышка для Домового

Картонная пышка и «Могу я войти?»

Дождь шёл так, будто кто-то наверху опрокинул целое море.

Он барабанил по жестяному козырьку мелко-мелко, и весь мир за окном растворился в воде. Буквы на вывеске — «ПЫШЕЧНАЯ “У ВАЛИ”» — расплылись жёлтыми кляксами в лужах на асфальте.

Прохожих не было.

Валя сидела за кассой и пыталась впихнуть очередной счёт в переполненный ящик. Он пружинил и выплюнул квитанции прямо на пол. Валя вздохнула. Возможно, у бумаг там целая семейная жизнь. Счёт за электричество женится на квитанции за воду. Рождаются маленькие налоговые уведомления.

За спиной глухо гудел холодильник. Уже третью неделю. Валя теперь здоровалась с ним по утрам, как с соседом по коммуналке: «Ну что, опять ворчишь?»

На кухне стоял тестомес «Богатырь-2000». Когда-то Валя гладила его перед каждым замесом. Теперь он скрипел и выплёвывал тесто комками. Валя подозревала заговор между ним и холодильником.

Она почесала переносицу, оставив белый след. Мука въелась в складки фартука, осела на ботинках. На указательном пальце — пластырь от ожога. Из растрепанного пучка торчал карандаш, который она засунула туда утром и забыла.

На витрине под стеклянным колпаком лежали тринадцать пышек. Вчерашние. Или позавчерашние — Валя не помнила. Они выглядели грустно, как будто уже пришли на праздник, а его вдруг отменили без предупреждения.

Валя достала телефон и набрала подругу.

Её голос прозвучал ровно и пусто:

— Алло, Свет, это я... Слушай, я закрываюсь. Совсем. Завтра.

Она говорила подруге, но на самом деле — себе.

— Да, серьёзно. Тестомесу пора на пенсию, клиентов ноль, крыша течёт. Нет, не плачу. Ладно, потом поговорим.

Она посмотрела на своё отражение в тёмном стекле: пучок покосился, прядь белая от муки, фартук серо-розовый.

«Хозяйка года, — подумала Валя. — Премию давать пора. За стойкость».

«Завтра повешу табличку «Закрыто». И пойду работать сторожем на маяк».

Она потянулась выключить свет.

Звякнул колокольчик над дверью.

Маленький, латунный, с трещинкой на боку, он давно не звонил «дзинь!», а только «дрынь», как будто ему самому было лень стараться.

Дверь скрипнула, и в пышечную шагнула невысокая фигура.

Очень невысокая.

Валя подумала: ребёнок. Потом: нет, не ребёнок, дети не ходят одни в девять вечера в ливень. Потом: а может, и ребёнок, кто их нынче разберёт.

Фигура была в огромном чёрном худи. Огромном — словно его сняли с кого-то втрое крупнее. Худи свисало почти до пола. Рукава прятали руки. На капюшоне торчали два мягких треугольных ушка. Кошачьи.

С его крошечных потёртых ботинок натекала вода.

Вокруг шеи — длинный вязанный белый шарф, промокший насквозь и висящий, как варёная макаронина.

Через плечо — узелок в красно-синюю шотландскую клетку на палочке.

«Котёнок, который собрался в кругосветное путешествие, — подумала Валя. — С узелком и всем необходимым.»

Лужа расползалась по полу с деловым видом.

Из-под капюшона блеснули глаза. Зелёные — цвета крыжовника. Очень серьёзные.

— Добрый вечер, сударыня, — сказал гость тихо и старомодно.

— Мы закрываемся, — ответила Валя так же ровно и пусто, как говорила по телефону.

Зелёные глаза моргнули медленно, как у кота, который никуда не собирается уходить.

— Могу я войти?

Вопрос был странный. Он уже вошёл. Но что-то в том, как он спросил, заставило Валью замешкаться.

— Входи. Чего уж.

У неё не было сил спорить. Совсем.

В тот момент холодильник перестал гудеть. На секунду. Как будто прислушался.

Гость прошёл к столику у окна. Двигался аккуратно, как кот, ступающий по мокрому снегу. Из-под худи донёсся глухой железный звяк.

Стул был высоковат. Гость забрался на него, подтянувшись на руках, и уселся, болтая ногами.

Сложил рукава перед собой.

— Одну пышку, пожалуйста.

Валя моргнула.

— Одну?

— Одну. Если вас не затруднит.

Валя подошла к витрине. Взяла щипцами самую крайнюю пышку — жёсткую, как кирпич. От витрины тянуло запахом старого фритюра и сырости.

— Слушай, — сказала она, — она не очень. Ею уже можно гвозди забивать.

— Всё равно. Пожалуйста.

Валя поставила тарелку перед гостем.

— Благодарю.

Гость не стал есть сразу. Он снял узелок, поставил на соседний стул. Потом запустил руку в худи и извлёк крошечный белый платочек с вышивкой.

Расправил. Разгладил. Подровнял углы.

Валя перестала дышать.

Потом он достал деревянную ложечку. Размером с мизинец. Резную.

Положил на платочек. Параллельно краю.

Отломил кусочек пышки. Маленький, с ноготок. Пышка треснула с мёртвым, сухим хрустом. Пудра на ней сбилась в липкую засохшую корку. Он взял крошку ложечкой. Поднёс ко рту.

Жевал медленно. С закрытыми глазами.

Валя чувствовала себя как на экзамене в кулинарной академии.

Гость проглотил. Открыл глаза.

— На вкус как усталость, — сказал он спокойно. — С нотками грусти и привкусом «всё надоело».

В Вале что-то вспыхнуло — хотелось разозлиться, выгнать его. Но вспышка погасла мгновенно. На гнев тоже не осталось сил.

— Что, простите?

— Пышка устала. И вы устали. И от этого тесто сдалось. — Он наклонил голову, ушки качнулись. — Пышки чуткие. Они впитывают настроение. Если жарят со злостью — горчат. С грустью — черствеют. А с мыслью «последний раз» — получаются вот такие.

Валя открыла рот. Закрыла. Потому что он был прав.

Абсолютно прав.

Она опустила на стул.

— Ну и что теперь?

Гость аккуратно свернул ложечку в платочек. Спрятал в худи. Посмотрел на Валию.

— Меня зовут Уля. Я домовый-путешественник.

Пауза.

— Домовой, — повторила Валя. — Ага. А я королева Англии. Рада знакомству.

— Взаимно, — серьёзно кивнул Уля. — Хотя вы не похожи на королеву. У вас мука в волосах.

Валя машинально потрогала пучок.

— Знаю.

— И на носу.

— Знаю!

— И на левом ухе, — невозмутимо добавил Уля.

— Хватит инвентаризацию проводить!

— Извините, — Уля чуть улыбнулся. — Это профессиональная привычка. Домовые замечают беспорядок.

Валя закрыла лицо руками. Открыла один глаз:

— Ладно. Допустим, ты домовый. Зачем ты здесь?

Уля оглядел пышечную. Медленно. От потёкшего потолка до треснувшей плитки. От мигающей люминесцентной лампы с холодным светом до тёмной кухни.

— Пышки не заслужили грустить. И вы тоже.

У Вали защипало в носу. Она быстро потёрла его.

— И что ты предлагаешь?

— Сделку. Вы идёте спать. Сейчас. А я присмотрю за залом.

— За каким залом? Тут никого нет! И завтра не будет. Я закрываюсь, понимаешь?

— Вижу, — кивнул Уля. — Тем более. Последняя ночь должна быть тёплой. Дома запоминают последние ночи.

Валя посмотрела на эту маленькую фигурку с ушками. На узелок. На зелёные глаза.

И вдруг ей стало смешно. Устало-смешно.

— Ты останешься тут один? На ночь?

— Я домовый. Путешествующий. — Уля задумался. — Один раз я жил три дня в доме, где было только старое пианино. Оно играло мне по ночам Шопена. Немного фальшиво, но с чувством.

Валя встала.

Нормальный человек на её месте вызвал бы полицию. Или скорую. Но у Вали не было сил даже на это. В конце концов, касса пуста, забирать тут нечего, а тяжеленную кофемашину этот странный ребёнок всё равно не утащит. К тому же... голос у него был такой спокойный. Убаюкивающий.

— В подсобке раскладушка, — сказала она. — И плед. Я там посплю.

— Идите, — сказал он мягко. — Пожалуйста.

Голос был такой тихий — мягче шарфа, мягче дождя, — что глаза Вали сами начали закрываться.

— Я запру дверь...

— Не нужно. Я присмотрю.

И это «я присмотрю» — спокойное, абсолютное — легло на самое дно, где ещё теплилось доверие.

— Чудеса, — пробормотала Валя. — Домовой в пышечной.

На полпути обернулась:

— Чай в третьем шкафчике слева..

— Благодарю, сударыня.

Валя легла на раскладушку прямо в фартуке. Натянула плед.

Холодильник молчал.

Впервые за три недели.

Она провалилась в сон.

Уля слез со стула.

Постоял, прислушиваясь. Дыхание за стенкой стало мерным. Дождь притих. Холодильник — Уля погладил его рукавом — вздохнул и замолчал окончательно.

— Вот так. Отдыхай.

Он обошёл зал. Медленно, касаясь рукавами стен. Провёл рукавом по подоконнику — он стал серый от пыли.

— Непорядок. Но разберёмся.

Подошёл к мёртвому цветку в горшке:

— Тебе уже не помочь. Но спасибо, что старался.

Вернулся к узелку. Развязал. Внутри: огарок свечи, плюшевый зайчик с одним ухом, мел, спичечный коробок, конфета, клубок красной нити и ещё множество всего. И что-то ещё на дне, поблёскивающее.

Уля повесил шарф сушиться. Под ним на шнурке оказался тяжёлый ржавый ключ. Уля заправил его обратно.

Снял капюшон. Чёрные растрепанные волосы торчали во все стороны. Лицо бледное, с мягкими чертами — то ли детское, то ли нет. Нос курносый. Уши чуть заострённые. Зелёные глаза мерцали, как фонарики.

Уля закатал рукава до локтей.

Лампа мигнула.

— Ничего. Потерпи до утра.

Лампа засветила ровнее.

Уля сел на пол. Достал спичечный коробок. Открыл.

Оттуда вырвался крошечный огонёк. Живой, тёплый, размером с ноготь. Он пульсировал, как сердце. Пах берёзовыми дровами, нагретой глиной, свежим хлебом.

Очаг. Дом. Тепло.

— Дежурство началось.

Уля закрыл коробок. Огонёк погас, но тепло разлилось по залу тонким невидимым слоем.

Пышечная еле заметно вздохнула.

Как будто ей разрешили уснуть. Или — разбудили. Бережно. С надеждой.

Где-то на кухне в мешках с мукой что-то зашуршало и стихло.

Уля прислушался. Глаза сузились. На губах промелькнула улыбка.

— Слышу тебя. Но это потом.

Он встал и пошёл к шкафчикам.

Открыл первый — соль высыпалась на рукав.

Второй — сахар.

Третий — чай!

Но когда потянулся за пачкой, на краю полки замер маленький паучок. Черный, пушистый, с бусинками глаз.

— Добрый вечер, — вежливо сказал Уля.

Паучок шевельнул лапкой — что-то вроде приветствия.

— Понимаю. Ты тут дежуришь. Не буду мешать.

Он аккуратно прикрыл дверцу.

Поставил чайник. Тот заурчал, довольный вниманием.

Уля сел за стол у окна. Налил чай в крошечную чашку из узелка.

По пути споткнулся о половицу.

— Ай.

Половица виновато скрипнула.

— Ничего. Ты просто устала лежать ровно.

Он пил чай маленькими глотками, глядя в окно.

Дождь закончился. Последние капли упали с козырька.

В мешках с мукой шуршание окончательно стихло.

А Уля допил чай, вымыл чашку и тихо, чтобы не разбудить Вальку, прошёл на кухню.

У него была работа.

Магия в огромном фартуке

Валя проснулась в половине седьмого и целых три секунды не понимала, что не так.

Потом поняла: тишина.

Не было гудения холодильника. Не было тревожного сжатия в груди. Не было мысли «надо вставать, надо бежать, надо успеть». Просто тишина — мягкая, как плед, под которым она спала.

Впервые за несколько месяцев Валя выпалась.

Она лежала и смотрела в потолок. За дверью — в зале — было тихо. Холодильник молчал. Не гудел, не выл, не жаловался — молчал, как молчит пёс, который наконец-то нашёл своё место.

«Странно, — подумала Валя. — Слишком странно».

Она встала, натянула фартук (автоматически, не глядя), поправила пучок и вышла в зал. И замерла.

Зал был чист. Столы протёрты. Стулья стояли ровно. Лужа у входа — та самая, что натекла вчера с маленького мокрого гостя — высохла. На подоконнике горшок с засохшим цветком стоял повернутым к свету, словно кто-то решил дать ему последний шанс.

Пахло не старым маслом и сыростью. Пахло чистым кафелем, озоном после дождя и едва уловимо — тёплой сдобой.

Валя прислушалась. Тишина. Но не мёртвая — живая. Как в доме, где все спят, но вот-вот проснутся.

— Уля? — позвала она негромко.

Никто не ответил.

Валя подошла к витрине. Под стеклянным колпаком лежали все двенадцать пышек — бледные, с осыпавшейся пудрой, вчерашние. Но рядом с витриной, на краю стойки, лежал крошечный кусочек бумаги.

Валя подняла его.

Это была записка. Написанная мелким старательным почерком на обрывке жёлтой пекарской бумаги:

«Сударыня Валя. Ушёл по делам до обеда. Пышкам нужен отдых — не будите их пока. Если придут посетители — предложите чай. Радио на подоконнике любит джаз.

С уважением, Уля».

Валя перечитала записку дважды. Потом посмотрела на радио — старое, бежевое, которое она не включала с прошлого лета, потому что оно хрипело и ловило одни помехи.

— Ладно, — сказала она вслух. — Ладно, Домовой.

Она подошла к радио. Повернула ручку. Динамик зашипел — но негромко, без злости — и через секунду из него полился джаз. Чистый, мягкий, с ленцой. Труба, контрабас и тихий шорох щёточек по тарелкам.

Валя стояла и слушала. Музыка наполняла зал, и пышечная становилась другой. Как комната, в которой зажгли свечу: стены те же, но ощущение — иное.

— Спасибо, — тихо сказала Валя радио.

Радио в ответ тихонько потрескивало — довольно, как кот.

Валя посмотрела на часы. Половина восьмого. Обычно в это время она уже стояла на кухне, замешивала тесто, ругалась с «Богатырём-2000», жарила первую партию. А потом сидела за пустым залом до обеда, считая минуты и убытки.

Сегодня было по-другому.

«Не будите пышки», написал Уля.

— Хорошо, — сказала Валя. — Подожду.

Она сварила себе кофе (давно не пила кофе по утрам — сэкономила), села за стол у окна и просто сидела. Слушала джаз. Смотрела на дождь. Дождь шёл тише, чем вчера — не ливень, а морось, мелкая и мягкая.

И Валя вдруг поняла, что ей *хорошо*. Спокойно. Как будто кто-то снял с плеч тяжёлый рюкзак, который она тащила так долго, что забыла, каково это — ходить без него.

Она допила кофе. Вымыла чашку. Вытерла стойку (хотя она была чистой). Проверила холодильник — он молчал, но внутри было холодно, как и положено.

— Спасибо, — сказала Валя ему тоже. — Отдыхай.

Потом она оглядела зал — чистый, тихий, наполненный джазом.

Подошла к двери. Взяла табличку «ЗАКРЫТО», которую собиралась оставить вчера навсегда. Из радио полилась новая мелодия — медленная, тёплая.

Валя замерла. Послушала. И повесила табличку обратно — стороной «ОТКРЫТО».

Колокольчик тихо дрынькнул, словно одобрил решение.

Первый посетитель пришёл в половине десятого.

Парень лет двадцати — мокрый, злой, с ноутбуком подмышкой и бумажным стаканчиком кофе. Он ввалился в пышечную, огляделся, увидел пустой зал, джаз из радио и Валю за стойкой.

— Открыто? — буркнул он.

— Открыто, — кивнула Валя. — Проходите. Столик любой.

Парень сел у окна. Раскрыл ноутбук. Ноутбук включился с кряхтением и сразу завыл вентиляторами.

Валя подошла:

— Кофе? Чай?

— Ничего не надо, — не поднимая головы, ответил парень. — Просто посижу, ладно? У меня дедлайн.

— Как хотите, — сказала Валя сухо и вернулась за стойку.

Парень стучал по клавишам, крутил в руке скрепку — туда-сюда, туда-сюда — и ругался вполголоса. Ноутбук выл всё громче. Валя видела: сейчас он или стукнет по столу, или выбежит на улицу с криком.

Она попыталась ещё раз:

— Может, всё-таки воды?

— Сказал же, ничего! — огрызнулся парень.

Валя отступила. «Ну и ладно, подумала она. Пусть кипит».

И тут — дверь открылась.

Уля вошёл тихо, как кот. Он был в том же чёрном худи с ушками, в том же белом шарфе, с тем же узелком на палочке. Капюшон был поднят. Из-под него светились два зелёных огонька.

Валя выдохнула с облегчением:

— А, ты пришёл.

— Добрый день, сударыня, — Уля чуть поклонился. — Как утро?

— Тихое, — ответила Валя. — Один посетитель. — Она кивнула на парня у окна. — Сидит. Нервничает. Компьютер его, кажется, сейчас взорвётся.

Уля посмотрел в ту сторону. Прислушался — не ушами, а как-то иначе, всем собой. Вентиляторы ноутбука завывали так, что даже джаз из радио их не перекрывал.

— Железному зверю жарко, — сказал Уля. — Разрешите мне?

— Разрешаю, — Валя махнула рукой. — Только аккуратно. Он выглядит... взрывоопасным.

Уля кивнул. Снял узелок с плеча, поставил на стойку. Потом подошёл к вешалке, где висел Валя рабочий фартук — ярко-розовый, с кислотными кексиками, нарисованными так весело, что смотреть на них было почти больно.

Уля снял фартук с вешалки и надел.

Валя смотрела на это, забыв, как моргать.

Фартук был велик для неё. Для Ули он был как бальное платье. Лямки соскользнули с узких плеч. Подол волочился по полу. Уля перехватил завязки, протянул их за спину и завязал — получился огромный кривой узел где-то в районе поясницы. Передняя часть топорщилась пузырьком.

Уля оглядел себя. Поправил шарф, торчащий из-под грудки фартука. Закатал рукава худи до локтей — сосредоточенно, складка за складкой.

— Вот так, — сказал он удовлетворённо. — Обслуживание гостей требует униформы, сударыня.

Валя прикрыла рот ладонью, чтобы не засмеяться. Уля в ярко-розовом фартуке поверх чёрного худи с кошачьими ушками выглядел так, будто его одели сразу на карнавал и на смену в кафе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.